

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-58-65

«БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР О СТАНИЧНОЙ И СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЕ» 1571 Г.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

*Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформировать представление о том, на какой тактический опыт опирались составители такого источника по истории русской граничной службы, как «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.

Процедура и методы. Предварительно проводится анализ состава «авторского коллектива» экспертов по особенностям пограничной службы, собранных князем М. И. Воротынским для составления документа, затем он дополняется источниковедческим анализом самого памятника, а также тактического опыта князя М. И. Воротынского и его помощников.

Результаты. Делается вывод о том, что «Боярский приговор...», с одной стороны, опирается на обширный тактический опыт людей с практическим знанием степных границ России, с другой стороны, жёстко привязан к региональным формам обороны рубежей и не годится для других участков несения пограничной службы: на западе и на востоке страны.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье проводится анализ источника в тех аспектах, которые до настоящего времени оставались без внимания со стороны специалистов по военной истории России XVI–XVII вв.

Ключевые слова: история военного дела, источниковедение, оборона южных границ России, пограничная служба, воинский устав, тактический опыт, князь Михаил Воротынский, царь Иван IV

«BOYAR'S VERDICT ON THE PATROL AND GUARD SERVICE», 1571: PROBLEMS OF SOURCE STUDIES

D. Volodikhin

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky (First Cossack University)

ul. Zemlyanoy Val 73, Moscow 109004, Russian Federation

Abstract

Aim. To form an idea of what tactical experience the compilers of such a source on the history of the Russian border service as the "Boyar's verdict on the Stanitsa and guard service" of 1571 relied on.

Methodology. A preliminary analysis of the composition of the "team of authors" of experts on the peculiarities of the border guard service, gathered by Prince M. I. Vorotynsky to compile the document, is carried out, then it is supplemented by a source analysis of the monument itself, as well as the tactical experience of Prince M. I. Vorotynsky and his assistants.

Results. It is concluded that the "Boyar verdict...", on the one hand, is based on the extensive tactical experience of people with practical knowledge of the steppe borders of Russia, on the other hand, is rigidly tied to regional forms of border defense and is not suitable for other areas of border service: in the west and in the east of the country.

Research implications. The article analyzes the source in those aspects that have so far been ignored by specialists in the military history of Russia of the 16th–17th centuries.

Keywords: history of military affairs, source studies, defense of the southern borders of Russia, border guard service, military regulations, tactical experience, Prince Mikhail Vorotynsky, Tsar Ivan IV

Введение

На протяжении периода с 1558 г. по начало 1570-х гг. армия Московского царства постепенно переходила с наступательной на оборонительную тактику на тех «фронтах», где имелось соприкосновение с «осколками» Золотой орды. Прежде всего, речь идёт о южных степных границах, где противником России являлось Крымское ханство, кроме того, целый ряд конфликтов произошёл на границах с ногайским степным сообществом. На востоке и юго-востоке шло освоение земель, когда-то принадлежавших двум «расформированным» в 1550-х гг. ханствам – Казанскому и Астраханскому. Здесь также в ближайшие годы не планировалось вести наступательных действий, вооружённая борьба шла лишь в рамках т. н. «черемисских войн», в целом не представлявших собой стратегической угрозы для безопасности Российского го-

сударства [3, с. 11–20; 7, с. 117–118]. Вооружённые силы России переключались с южного, «степного» театра военных действий на ливонский. Основные контингенты наиболее боеспособных войск отправлялись на запад и северо-запад для ведения боевых действий с Ливонским орденом, Речью Посполитой, впоследствии – со Шведским королевством. Лучшая часть воеводского корпуса также была занята ведением тактических операций на литовско-ливонском направлении.

Соответственно, оголялся степной юг, откуда не исчезла смертельно опасная для державы возможность глубокого прорыва крымцев. Отношения с крымским ханом отличались крайней напряжённостью и неприкрытой враждебностью. Крымский хан Девлет-Гирей рассматривал вошедшие в состав России территории Казанского и Астраханского

ханств как потенциальную часть своей державы – если удастся угрозами или постоянным военным давлением заставить Москву пойти на уступки по части границ. В свою очередь, Москва не шла на уступки подобного рода, особенно в отношении громадного и чрезвычайно богатого Казанского ханства, присоединённого к России в 1552 г.

А значит, следовало наладить сторожевую и караульную службу наилучшим образом, добиваясь понимания того, когда именно Девлет-Гирей, на каком направлении и с войском какой численности придёт, чтобы нанести удар по южным и коренным областям Российского государства.

Как раз с этой целью Иван IV инициировал создание документа, который вошёл в историю военного дела России как древнейший законодательный источник по организации обороны государственных границ, – «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Организатором процесса работы над ним стал князь Михаил Иванович Воротынский. Он получил высокое официальное назначение: с 1 января 1571 г. по личному указанию царя он «ведал» станицы и сторожи «и всякие государевы польские службы»¹.

«Боярский приговор» неоднократно анализировался историками с разных точек зрения [1; 2, с. 221–222; 4, с. 35–43; 5, с. 112; 6, с. 424]. Однако этот богатый источник ещё не становился объектом анализа с точки зрения каналов тактического опыта, на основе которых он составлен, и, следовательно, границ применимости в практической деятельности.

Именно эти задачи и ставятся в настоящей статье.

Состав «авторского коллектива» источника

Источниковедческий анализ «Боярского приговора» следует начинать с исследования того круга лиц, которые участвовали, прямо или косвенно, в его составлении. Это, прежде всего, сам Михаил Иванович Воротынский. В число его помощников вошёл значительный контингент специалистов по делам пограничной службы.

В начале 1571 г. Михаил Иванович собрал в столице людей, постоянно служивших на беспокойном юге и знавших особенности этого театра военных действий – «станичников» да «сторожей». В большинстве своём они были знакомы воеводе по совместной службе.

До наших дней дошёл документ, где в подробностях рассказывается, как и откуда собирали «консультантов» для общей большой работы. В частности, там говорится: «По государеву, цареву и великаго князя приказу боярин, князь Михайло Иванович Воротынской говорил государевым словом в Розряде² диакон Ондрею Клобукову с товарищи, что ему велел государь ведати и поустроити станицы и сторожи и велел доискатись станичных прежних списков. А в городы [за ними следует послать]: в Путивль, и на Тулу, и на Рязань, и в Мещеру, и в иные в украинные городы, и в Северу по детей по боярских³, по писменных по станичных голов и по их товарищев по станичников и по станичных вожей и по сторожей⁴, которые ездят из Путивля, и с Тулы, и с Рязани, и из Мещеры и из иных

¹ То есть Михаилу Ивановичу приказали упорядочить службу разведывательных и сторожевых отрядов, работавших в Диком поле – степной зоне между южными областями Московского государства и северными владениями Крымского ханства. Польская служба – служба в Диком поле.

² Здесь имеется в виду Разрядный приказ – учреждение, ведавшее в России XVI–XVII столетий организацией воинской службы.

³ Дети боярские – русское дворянство, по положению своему стоящее ниже аристократии – боярских родов.

⁴ Письменные головы, станичные головы, станичные вожжи – чины младших командиров в войсках, осуществлявших разведывательную и дозорную службу на границах Русского царства. Станичники и сторожа – рядовые воины разведывательно-дозорных отрядов, работавших в Диком поле.

украинных городов и из Северы в станицах на поле к розным урочищам, и которые преж сего езживали лет за десять или за пятнадцать. А велел им всем быти к Москве из ближних городов в тот же день по Крещенью Христово, а путивльским – 2 недели спустя после Крещенья Христова»¹.

Помимо опытных, можно сказать, ма-тёрных пограничников, связанных службой с гарнизонами городов и крепостей, Воротынский затребовал аналогичных специалистов иного подчинения. А именно тех, кого отправляли в степь воеводы полевых соединений, дислоцировавшихся на южном направлении.

Более того, князь запросил прислать ему «ветеранов» пограничной службы, включая тех, кто от службы отставлен. Иначе говоря, Воротынский «...велел сыскивати, которые будет дети боярские в станицы и на сторожи и не ездят за старость и за увечья или за которое иное дело, а наперед того в станицах и на сторожи изживали, или будет которые дети боярские, станичные головы, и станичники и сторожи и в полону были, а ныне из полону вышли, и тех всех, сыскав, велел прислати к Москве часа того на те же сроки»².

В январе русская столица встречала съезжающихся знатоков пограничной службы. Небольшая часть, видимо, те, кто добирался из далёкого Путивля, явилась уже в феврале 1571 г.

Стоит обратить внимание на географию списка «экспертов»: Рязань, Мещера, Тула, Севера, Путивль. Затронуты сбором специалистов исключительно те регионы, которые находились под ударом со стороны Крымского ханства и ногайских орд. Здесь нет представителей «Литовского рубежа», где оборонитель-

ные действия перемежались с наступательными, Ливонского рубежа, где в ближайшее время планировалось приступить к масштабным наступательным операциям, Карелии, Урала, Среднего и Нижнего Поволжья. Русское правительство, таким образом, концентрировалось на одном направлении – южном. И «Боярский приговор», таким образом, оставался инструктивным документом в отношении одного этого направления, а не пограничной службы России в целом. Иначе говоря, он имел хоть и широкое, но сугубо региональное значение.

Воротынский доложил царю: «Дело сделано, люди собрались все по списку».

Тогда Иван IV «...приказал боярину, князю Михаилу Ивановичю Воротынскому о станицах и о сторожах и о всяких польских службах сидети... Станичных голов и их товарищев, станичников, и вожей и сторожей велел государь роспросити, а роспрося росписати подлинно порознь, из котораго города и по которым местом и до коих мест пригоже станицам ездити, и в которых местех сторожем на сторожах стояти, и до коих мест на которую сторону от которые сторожи разъездом бывати, и в которых местех головам на поле стояти для береженья от приходу воинских людей³, и из которых городов и по скольку человек с которою головою и каким людем на государеве службе быти, чтоб государю про приход воинских людей быти не безвестну и воинские б люди на государевы украины безвестно не приходили»⁴.

Источниковедение тактического опыта

Консультации со специалистами и ветеранами следовало закончить обобщением и фиксацией полученных сведе-

¹ Царский приказ о назначении князя М. И. Воротынского ведать станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 1.

² Там же.

³ В данном случае «воинские люди» – это враг, наступающий с юга, т. е. крымские татары и ногайцы.

⁴ Царский приказ о назначении князя М. И. Воротынского ведать станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 2.

ний. Вот главное дело всей жизни князя М. И. Воротынского как теоретика по тактическим вопросам и как полководца-организатора. Практическая работа по расстановке сторожей требовала других людей. Царь назначил для этого князей Михаила Тюфякина и Михаила Булгакова, а также дал им двух помощников: воеводу Матвея Ржевского по прозвищу Дьяк да Бориса Хохлова.

Выполняя царский приказ, князь М. И. Воротынский «с товарищи о станицах и о сторожах, и о всех польских службах сидел, и станичных и сторожевых голов, и станичников и вожей, и о полках, и урочищах, и о сторожах спрашивал, как бы государеву станичному делу было прибыльнее, а роспрося их, приговор велел написать»¹.

Посоветовавшись с собравшимися, Воротынский вынес на обсуждение земской думы документ, который считают первым уставом пограничных войск России. Строго говоря, это вообще первый российский воинский устав. Именовался он «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». По решению думы документ вступил в силу 16 февраля 1571 г. Но здесь стоит напомнить об оговорке сделанной выше: этот документ – устав регионального значения.

«Боярский приговор» чётко регламентировал службу постоянных дозорных застав (сторож) и разведывательных отрядов, совершавших глубокие рейды в сердце степи (станиц).

Служилым людям были указаны точные сроки их дежурств: первые станицы выходили «в поле» 1 апреля, последние – 15 ноября. В поле они сменяли друг друга 8 раз за «боевой сезон», пребывая на позиции по полмесяца.

Что касается сторожей, то они не уходили столь далеко «в поле», соответ-

ственно рисковали меньше и служили в несколько менее напряжённой обстановке. Отсюда – более длительные сроки службы, чем у станичников. Сторожа весной-летом должна была выставляться на позиции по 6 недель. Осенью срок пребывания на позиции сокращался до 1 месяца. Сроки вывода сторожей на позиции, а также их отвода назад, с поля, считались стратегически важным делом, о нём требовалось извещать командование вплоть до самого государя: «А с которых сроков, и с которого числа и в котором месяце воеводы сторожей учнут на поле на сторожи отпущати, и о том им писати к государю тот же час, с первым гонцом, и роспись тому подлинная прислати, с которых сроков станут отпущати. А на донецких сторожах и из всех украинских городов на польских сторожах сторожей ставити апреля с 1 числа, а стояти сторожем до тех мест, докуды снега большие укинут». Иными словами, для сторожей не было обязательного, чётко прописанного срока отхода с позиций – 15 ноября не для них. От них требовалось стоять до «больших снегов», и неважно, когда земля укроется белым одеялом, поздно или рано, уходить до того нельзя.

«Боярский приговор» определял основные маршруты движения, способы оповещения главных сил русской оборонительной армии на Оке, количество и качество коней (запрещалось отправлять станичников и сторожей на службу на «худых» конях). Не оставлены были без внимания нормы выплат за пребывание на опасных участках.

От русских пограничников требовалось нести службу, «с коня не сседая». Не останавливаться в лесах из-за опасности попасть в ловушку неприятеля, но искать для стана место, где можно было бы устроиться «усторожливо», т. е. издали видя приближение врага. Найдя неприятеля, сейчас же отправлять гонца к воеводам в «украинных городах», а самим скрытно двигаться неподалёку от вражеских отрядов, выясняя числен-

¹ Царский приказ о назначении князя М.И. Воротынского ведать станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для роспроса // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 2.

ность противника и поддерживая через гонцов связь с командованием. Нельзя сразу же покидать позицию, надо продолжать, пока возможно, разведывательную работу. Но и торопиться с вестями тоже не стоит – сведения требуются постоянные.

Документ, разработанный Воротынским «со товарищи», предусматривал суровое наказание за оплошку: «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненным смертью. А которые сторожи на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на обмену в те дни к ним не приедут, и на тех [опоздавших] сторожах за слушание имати [выплаты] тем сторожем, которые за них через свой срок лишние дни перестоят, по полуполтине¹ на человека на день. А которых станичников или сторожей воеводы или головы кого пошлют дозировать на урочищах и на сторожах, а [если]... они стоят небережно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бити кнутъем»².

Русским «пограничникам» предписывалось также, останавливаясь на ночлег, не расседлывать коней, не разжигать огонь для приготовления пищи в одном месте дважды за день, не оставлять наблюдение за врагом после того, как он обнаружен.

По «Боярскому приговору» можно судить: пограничная служба в XVI в. была смертельно опасной. Только очень рискованные люди могли отважиться на такую «работу». Летописи и разряды пестрят случаями, когда вести о неприятеле приходили от сторожей и станичников задолго до его появления у Оки, оказываясь таким образом спасительными для всей

системы русской обороны. Но время от времени станичник оказывался в плену у татар, и жить ему оставалось столько, сколько выдержит человеческая плоть под скорой и беспощадной пыткой.

Анализ документа заставляет отметить особую географию и хронологию инструктивных статей, в нём содержащихся. Города и «урочища», перечисленные в нём, относятся к Поочью и землям, лежащим к югу от Окского рубежа. И, самое главное, время, регламентированное для выхода дозорщиков и станичников на службу, зависело от циклических природных явлений Русского Юга. Сход снегов, подсыхание земли, начало осенних дождей и выпадение снегов – явления, которые определяли, на какой срок русский пограничный служилец будет востребован в поле и сколь долго его служба продлится. Ни для Урала, где происходили столкновения с Сибирским ханством, ни для Карелии, ни для Поволжских регионов названная хронология не подходила.

Важно учитывать тактический опыт самого князя М. И. Воротынского. Богатейший человек, боярин и воевода, командовавший в разное время отдельными полками и самостоятельными полевыми соединениями, Михаил Иванович был прежде всего военачальником-практиком. Судьба его наполнена походами, боями, службой на воеводстве в городах дальних и ближних. Первое его известное по источникам воеводское назначение, стоит напомнить, произошло в 1539 г. А в дальнейшем – море службы, надолго прерываемой лишь опалой. Князь Воротынский накопил за 3 десятилетия громадный опыт воеводской работы на степных окраинах России. Иначе говоря, работы, смысл которой состоял в противостоянии татарам, ногайцам, черемисе. Это значит: князь очень хорошо знал врага, а ещё того лучше – боевые ресурсы, коими Россия могла оперировать на границах, отражая противника [2, с. 203–220].

И, стоит заметить, этот был враг, стоявший на востоке и на юге. Воротынский

¹ 25 копеек серебром.

² Боярский приговор о станичной и сторожевой службе // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 3.

являлся героем взятия Казани. Кроме того, князь очень много воевал на степном юге. Специалистом по литовско-ливонскому театру военных действий он не являлся, а дела обороны Русского Урала от него были вообще бесконечно далеки.

Заключение

Итак, «Боярский приговор» надо считать документом, составленным специалистом своего дела при возможностях широкой консультации у иных специалистов своего дела. Опыт Воротынского, опыт специалистов и ветеранов перелился на бумагу, чтобы застыть строками инструкции, способной, при тщательном её соблюдении, спасти немало жизней. Впоследствии нормы «Боярского приговора» изменялись, их дорабатывали, совершенствовали, но добротная основа, полученная когда-то трудами Воротынского, оставалась прежней.

Введённый в действие зимой 1571 г. «Боярский приговор» улучшил качество русской пограничной службы. Не сию же секунду, разумеется, а в перспективе. Никакая бумага, даже составленная наилучшим образом, со знанием боевой практики и на основе большого боевого опыта, не может привиться к армейской действительности одновременно. Требуются время и твёрдая воля к соблюдению установленных норм. Тогда положение дел выправится.

«Боярский приговор», как было доказано, мог быть иметь только региональное применение. Вся регламентация пограничной службы, в нём установленная, касалась только Русского Юга. К остальным областям России она не имеет никакого касательства.

Однако значение «Боярского приговора», созданного Воротынским со товарищи, колоссально. Документ уникален по одной важной причине: Россия начала выстраивать масштабную оборону на своих южных рубежах, как уже говорилось, с возникновением «крымской угрозы» в 1510-х гг. Успех в организации

ежегодных оборонительных мероприятий пришёл в 1530-х – 1540-х гг. Мягко говоря, далеко не сразу русские воеводы научились отбивать крымцев. Позднее, в 1550-х гг., Россия попыталась перейти на юге в наступление, потеснить Крымское ханство, а ещё лучше – разгромить его, как прежде были разгромлены другие татарские «юрты». Выяснилось, что сил для реализации столь масштабного проекта пока недостаточно. Достаточно их станет, стоит напомнить, лишь при императрице Екатерине II, т. е 2 столетия спустя. В конце 1550-х гг. произошла смена приоритетов на ниве русской международной политики. Государство Российское развернулось лицом к северу, и, соответственно, вектор экспансии оказался направлен в сторону Ливонии. Но в 1560-х гг. активизировался сам крымский хан, ведь для него, с одной стороны, перенаправление основных сил России на север создавало отличный шанс побороться за Русский Юг, а с другой – пепел Казани стучал в его сердце. Многие крымские правители считали Казань и Астрахань «своими», им казалось, что присоединение обоих «юртов» к могучей Крымской державе – дело времени.

И вот Воротынский обобщает опыт гибельно опасной борьбы на юге – после отступлений и наступлений и новых отступлений, а потом главного осознания – битва за Русский Юг завершится не скоро. Не через год, возможно, не через десятилетие. Она будет наследоваться Русским царством из поколения в поколение. Как когда-то далекие предки наследовали от поколения к поколению чудовищную ситуацию ордынского ига.

Поэтому и документ, выработанный в 1571 г., сохранит своё значение на всё время, пока будет продолжаться это титаническое вооружённое противостояние в южнорусском регионе. Актуальность он потеряет лишь в XVIII столетии.

Дата поступления в редакцию 16.11.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1846. 88 с.
2. Володихин Д. М. Полководцы Московского царства. М.: Молодая гвардия, 2020. 352 с.
3. Володихин Д. М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 304 с.
4. Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII вв. М.: Вече, 2005. 384 с.
5. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди: происхождение русского дворянства. СПб.: Государственная типография, 1898. 330 с.
6. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
7. Флоря Б. Н. Иван Грозный М.: Молодая гвардия, 1999. 403 с.

REFERENCES

1. Belyaev I. D. *O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhiteľnitse polskoy Ukrainy Moskovskogo gosudarstva, do tsarya Alekseya Mikhaylovicha* [On the guard, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Moscow state, before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1846. 88 p.
2. Volodikhin D. M. *Polkovodtsy Moskovskogo tsarstva* [The commanders of the Moscow Kingdom]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2020. 352 p.
3. Volodikhin D. M. *Patriarkh Germogen* [Patriarch Hermogenes]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 304 p.
4. Kargalov V. V. *Russkiye voyevody XVI–XVII vv.* [Russian voivodes of the 16th–17th centuries]. Moscow, Veche Publ., 2005. 384 p.
5. Pavlov-Silvansky N. P. *Gosudarevy sluzhili lyudyam: priznaniye russkogo dvoryanstva* [The sovereign's serving people: the origin of the Russian nobility]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1898. 330 p.
6. Skrynnikov R. G. *Tsarstvo terrora* [The Reign of Terror]. St. Petersburg, Nauka, Publ. 1992. 576 p.
7. Florya B. N. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1999. 403 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет);
e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Research Vice-Rector, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University);
e-mail: volodih@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.: источниковедческие проблемы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 58–65.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-58-65

FOR CITATION

Volodikhin D. M. «Boyar's verdict on the patrol and guard service», 1571: problems of source studies. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 58–65.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-58-65